

Ц.М. Чикаидзе

**Проблема арабского единства и политика
Великобритании на Арабском Востоке
в первой половине XX в.**

События, последовавшие за Первой мировой войной, дали мощный импульс развитию арабского освободительного движения. Связано это было с борьбой за политическую независимость и с процессом становления капиталистических отношений в арабских странах, вовлеченных в орбиту мировой экономики [1, с. 4]. Сплочение различных социальных групп в антиколониальной борьбе и осознание необходимости объединения укрепили позиции буржуазных слоев, часто игравших доминирующую роль в национально-освободительном движении. Процесс образования отдельных арабских наций – сирийской, иракской, ливанской стал следствием освобождения ряда арабских территорий от турецкого господства (Хиджаз – 1915 г., Сирия – 1918 г.). В условиях арабского мира освободительное движение против колониального угнетения не было идеологически однородным: наряду с панисламизмом вызревало другое течение – местный национализм (регионализм). Регионализм стал воплощением интересов правителей арабского мира, стремившихся использовать ставшую популярной в массах идею арабского единства. В новых политических границах закладывались основы обособленных друг от друга социально-экономических структур, отмеченных определенным своеобразием. Саты аль-Хусри принадлежал к числу арабских мыслителей, создававших необходимость консолидации сил национального освобождения, еще в 1923 г. он выступал с теоретическим обоснованием единства. Особенностью национально-освободительного движения того периода, протекавшего в условиях противодействия Великобритании и Франции, было сосуществование в нем центростремительной и центробежной тенденций. Сторонники первой, «панарабисты», призывали к возрождению арабской нации через арабское единство, к консолидации арабского мира. К началу 30-х гг. в арабских странах сформировалось несколько региональных течений национализма. В Египте проводниками центростремительной тенденции были представители течения «фараонизма», в Ливане – сторонники «финикизма», в Сирии – члены Национальной партии. Согласно их мнению, объединение усилий арабов в деле освобождения от иностранного влияния должно происходить не путем слияния арабских стран в одно государство, а с сохранением их автономии, местных особенностей и традиций.

Геополитические интересы Великобритании в первой половине XX в. отражались на ее внешне-

политической деятельности в Ближневосточном регионе. Ограниченность ресурсов вынуждала британское руководство после Первой мировой войны уделять внимание удержанию позиций в Ираке, Иране, Египте. Палестина рассматривалась как буфер, перекрывающий Франции доступ в эти ключевые для Британской империи районы Ближнего Востока [2, с. 75]. В июне 1921 г. Черчилль заявил, что сионистское движение и связанные с ним обещания Англии – причины волнений в Палестине. Противостояние колониальной политике Великобритании и Франции в 1920–1930-е гг. и отражение угрозы, исходящей от нараставшего сионистского движения в Палестине, вновь способствовали активизации борьбы арабских националистов. Действия западных стран и сионистов воспринимались как заговор против арабской нации, а палестинский вопрос стал символом объединения арабского народа против колониального засилья. Один из идеологов арабского национализма и единства Ф. Сайег отмечал, что «британское правительство формально признавало право арабских государств на коллективные действия в отношении Палестины, пригласив Египет, Ирак, Трансиорданию, Саудовскую Аравию и Йемен принять участие в Лондонской конференции круглого стола 1939 года» [3, с. 113].

Лозунги единства арабского мира содержались в политических программах соперничавших династий: Хашимитской и Саудийской; используя лозунги панарабизма, каждая стремилась реализовать собственные цели. Арабскую политическую элиту не устраивало проведенное территориальное переустройство подмандатных районов, поэтому идея Великой Сирии активно муссировалась. Сторонником создания «Великой Сирии» выступал эмир Трансиордании Абдаллах из династии Хашимитов, но для лидеров арабских стран Абдаллах, несмотря на его амбиции, оставался правителем слабого пустынного государства.

После успешного объединения Азизом Саудом в 1926 г. Неджа, Хиджаза, Асира и Эль-Хасы вокруг него сплотились лидеры патриотических движений в Сирии и Палестине. В 1936 г. королю удалось заключить альянс с Ираком и позднее с Йеменом. Династия Саудитов имела определенное влияние в арабском и мусульманском мире, объединяя усилия арабов в их стремлении к независимости [4, с. 23].

Хотя «панарабистские» чувства сильнее всего были в Сирии, слабость сирийских националистов заключалась в отсутствии своего государства, которое

могло бы стать центром объединения арабских стран. На Ирак, где в начале 30-х гг. был упразднен британский мандат, панарабисты возлагали надежды, считая, что он станет ядром будущего единого государства. Но существовала другая тенденция – локально-националистическая, в которой главным являлся вопрос о роли Египта. «Египет – голова арабского мира, а Сирия – его сердце», – говорили арабы. В 1931 г. в Каире был учрежден «Клуб арабского единства». В журнале «Аль-Араб», издававшемся в Палестине, вышла статья будущего генсека ЛАГ А. Аззама, который считал, что арабское движение недооценивают, как недооценивали национальное движение в Германии и Италии в XIX в. На Мусульманском конгрессе в Каире в 1939 г. королю Фаруку присвоили титул «повелитель правоверных» (титул халифа), что говорило о желании египетской феодальной верхушки установить гегемонию в арабском объединительном движении [5, с. 19]. Но ведущие позиции принадлежали крупной египетской буржуазии, экспансионистские замыслы которой в арабском мире усиливались. В период между двумя мировыми войнами арабские националисты были гражданами формально независимых или полунезависимых государств, но освободительное движение развивалось на Арабском Востоке в каждой стране изолированно, координация почти отсутствовала. Что касается народа арабских стран, то он руководствовался принципами солидарности, сотрудничества и сближения между арабами.

Арабскому Востоку всегда принадлежало одно из центральных мест в мировой геополитике, и не только потому, что через этот район проходят важные пути из Европы в страны Азии и Африки, борьба в основном шла за военно-стратегическое и политическое господство. Эта борьба осложнялась из-за стремления западных держав и США захватить нефтеносные источники. Будучи министром колоний, У. Черчилль в 1921 г. заявлял, что в отношении арабской расы могут быть применены две политики: одна – держать арабов разделенными, другая – попытаться создать арабское государство, дружественное по отношению к Великобритании [6, с. 10]. Англия старалась не допустить преобладания интересов какой-либо державы во всем районе Красного моря и Персидского залива. Практически руководство Великобритании не вмешивалось в местные дела, опираясь на двусторонние договоры, играя в регионе роль управляющего, опекуна и судьи. Межгосударственные конфликты были заморожены, перевороты запрещались либо организовывались в упреждающем порядке [7, с. 81]. Черчилль не изменил своей политики и после подписания Атлантической хартии в 1941 г., третий пункт которой требовал предоставления независимости бывшим колониям. В удержании северо-восточной части Африки Великобритания видела важнейший фактор сохранения своей колониальной империи. Рискуя

ослабить оборону британских островов, английское правительство в 1940 г. перебросило дополнительные военные силы на Ближний Восток для защиты от германо-итальянского нападения.

С началом Второй мировой войны одни арабские политики поддержали Англию и Францию, другие, учитывая игнорирование ими интересов арабского народа, использовали сложившуюся ситуацию, сохраняя нейтралитет, чтобы определить, кто готов способствовать установлению арабского единства и получению независимости арабскими странами [8, с. 41]. После падения Франции в июле 1940 г. эмир Абдаллах обратился к британскому Верховному комиссару в Иерусалиме с призывом сделать заявление в поддержку сирийско-ливанского единства. Ответом служил призыв к терпению и выдержке, пока не прояснится состояние дел на фронте военных действий. В самой политике Великобритании сквозило стремление утвердиться в заморских территориях Франции. Придавалось значение оказанию помощи де Голлю в деле сплочения африканских владений и колоний Франции на побережье Атлантики.

Весной 1941 г. Германия оказалась втянутой в военные операции за Северо-Восточную Африку и Восточное Средиземноморье, оказывая помощь итальянской армии. Германия заблаговременно готовилась к операциям на Ближнем и Среднем Востоке; был создан «Особый штаб Ф», который осуществлял подготовку разведчиков и диверсантов из числа арабов для действий в этом регионе. 23 мая 1941 г. Гитлер подписал директиву №30 «Средний Восток», выдвинув лозунг «Победа держав “оси” несет народам Среднего Востока освобождение от английского ига» [9, с. 63]. Правительство Великобритании и руководство «свободных французов» опасались, что успешное наступление немецких войск на Балканах и в Северной Африке может быть дополнено оккупацией стран Леванта. Опасность германской оккупации Ближнего и Среднего Востока была реальной, и лишь переброска немецких войск для вторжения в СССР отвела от арабских стран к востоку от Ливии эту угрозу; ослабло напряжение, испытываемое Англией на Средневосточном театре военных действий. 8 июня 1941 г. войска англичан и «Свободной Франции» под общим командованием генерала Уилсона приступили к операции по овладению Сирией и Ливаном. Черчилль в послании к Ф. Рузвельту пытался убедить его, что в действиях Великобритании нет политической интриги: «Мы вводим в Сирию некоторые силы, чтобы предотвратить продвижение немцев» [10, с. 172].

Неудавшаяся попытка государственного переворота в Ираке, носившего националистический, антианглийский аспект и прогерманский характер, продемонстрировала опасность роста освободительных тенденций у арабов для интересов Англии.

«Влияние держав “оси” в то время достигло высшей точки, и англичане чувствовали, что им необходимо принять радикальные меры для завоевания дружбы арабов» [11, с. 503]. Правительством Великобритании были сделаны официальные заявления о поддержке движения за арабское единство в мае 1941 и феврале 1943 г., при этом английское правительство в отношении Палестины придерживалось декларации Бальфура. В условиях войны и роста национально-освободительного движения политика «разделяй и властвуй» стала явно недостаточной. Великобритания вынуждена была обратиться за помощью к своему американскому союзнику.

Весной 1941 г. английское правительство создало Арабское телеграфное агентство для распространения информации в арабских странах, позднее, в 1942 г., для пропаганды на эти страны начала работать радиостанция в Яффе (Палестина). Глава внешнеполитического ведомства Великобритании А. Иден поощрял политические и экономические связи арабских стран. Все ближневосточные страны были включены в систему стерлингового блока, что дало Англии возможность осуществлять контроль над местной экономикой и ее зарубежными связями. В отношении этих стран была введена система стерлинговых авуаров – зачисление на счет соответствующей страны в английском банке стоимости товаров и услуг, полученных британскими властями от этой страны в годы войны. Так, страны стерлингового блока финансировали военные расходы Великобритании.

В годы войны правительство Великобритании добивалось роли посредника в советско-американских отношениях, стараясь держать советское руководство в стороне даже в случаях, когда переговоры затрагивали интересы СССР. А. Иден не зря тревожился по поводу поездки советских представителей в США. В. Молотов вернулся в Лондон с советско-американским коммюнике, гласившим об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе, к которому присоединилась и Великобритания.

Тем временем советские войска оказывали все более жесткое сопротивление противнику, но вермахт находился в зените своей мощи, и исход войны оставался неясным. Правительство Великобритании было настолько обеспокоено угрозой потери Ближнего Востока, что 16 августа 1942 г. во время беседы в Москве Черчилль спросил Сталина, сумеет ли Красная Армия помешать Германии захватить Баку и «затем рвануться на юг через Турцию или Персию». На что Сталин уверенно ответил: «Мы остановим их» [12, с. 524].

Отказавшись от открытия второго фронта в Европе в 1942 г., союзники ратовали за проведение операции «Торч» в Северной Африке. В ноябре 1942 г. «Нью-Йорк таймс» писала: «Арабы Африки и Ближнего Востока составляют фон нынешней кампании, перетянув

их на свою сторону, наше правительство обеспечит себе политический успех» [13, с. 405]. Вопрос состоял не только в получении поддержки арабских стран в войне с Германией и Италией. Соединенные Штаты хотели видеть политический эффект от национально-освободительного движения, направленного против старых колониальных держав – Англии и Франции. Возросший интерес США ко всему району Ближнего и Среднего Востока предопределил стратегическое решение о вторжении в Северную Африку и об отказе от открытия второго фронта в Европе. В 1942 г. американская сионистская организация потребовала создания еврейского государства (так называемая Билтморская программа, которая позднее была поддержана Ф. Рузвельтом), рассчитывая на то, что будущее государство станет опорой США в районе безраздельного господства англичан.

Германская угроза Ближнему Востоку была устранена в начале 1943 г. После разгрома под Сталинградом немецкие планы прорыва через Кавказ в Иран и Ирак стали нереальны, а в Тунисе была успешно завершена операция «Торч». По мнению американского историка Д. Глентца, для общественного мнения Великобритании и США детали операций на Востоке оставались неясными, «полного осознания их значимости не доставало» [14, с. 33].

Военный министр США Стимсон писал Рузвельту в августе 1943 г.: «Английская концепция состоит в том, что Германия может быть разбита рядом отвлекающих ударов на периферии. Ни один из этих актов войны не дает оснований полагать, что мы сможем убедить Сталина в том, что мы выполнили свое торжественное обязательство» [15, с. 236].

Свое преимущество в силе США использовали, чтобы в рамках союза потеснить Англию. Стремление американцев к политике «открытых дверей» для экспорта своих товаров на Ближний Восток не соответствовало интересам англичан, став одной из причин американо-английских противоречий на Арабском Востоке. Главным же объектом борьбы являлась нефть – основной стержень дипломатии между Англией и США. Лондон, обеспокоенный активностью США, хотел путем соглашения оговорить свои экономические и политические привилегии в традиционном районе своего влияния. «Благодарю, что Вы не бросаете завистливых взоров на наши нефтяные промыслы в Иране и Ираке. Мы же не собираемся покушаться на интересы США в Саудовской Аравии. Великобритания не ищет выгод от войны и не позволит, чтобы ее лишили по праву ей принадлежащего» [10, с. 523]. Поэтому перед английской дипломатией стояла задача сохранить английские владения, не допустив изменений в статусе арабских стран, осуществление которой осложнялось внутривластным положением в регионе. Арабские страны не желали воевать за интересы Англии, не принимались на веру

и освободительные лозунги войны, пропагандируемые правительством Великобритании. С 1943 г., как писал английский историк Ситон-Уильямс, «британские армии, сосредоточенные в странах Среднего Востока, рассматривались не как армии-освободительницы, а скорее как оккупанты» [13, с. 390].

Пользуясь влиянием на правительства Трансиордании и Ирака, Лондон предпринял попытки укрепить связи Арабского Востока с Англией, поддерживались проекты «Великой Сирии» (объединение Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании), «Благодатного полумесяца» («Великая Сирия» плюс Ирак). Активную роль в подготовке проекта арабской федерации стал играть премьер-министр Мустафа Наххас-паша, который выступил в парламенте Египта 31 марта 1943 г. с официальным заявлением о проекте создания ЛАГ: «...путь, который может привести нас к желаемой цели – это обсуждение данной проблемы арабскими правительствами» [16, с. 12]. На осень 1944 г. была запланирована конференция арабских государств с целью установления какой-либо формы единства между ними.

В годы Второй мировой войны Англия прилагала максимум усилий для сохранения и расширения позиций на Арабском Востоке. Казалось, эти усилия увенчались успехом, Англия, изгнав Германию и Италию, сумела потеснить своего союзника Францию в Сирии и Ливане. К концу 1945 г. британский военный контроль распространялся на зону Суэцкого канала, весь бассейн Красного моря и Персидского залива. Тем не менее «к концу войны с Германией в мае 1945 г., – пишет английский историк Э. Монро, – англичане прочно сидели в седле на Среднем Востоке, но мощь была видимой, а не реальной» [17, с. 151–152]. В конце Второй мировой войны наметился кризис колониальной системы, нараставшее национально-освободительное движение стало причиной подрыва господства Англии. Имело значение вторжение США в Ближневосточный регион, который, по сути, являлся заповедником английского колониализма. Развитие связей между отдельными странами арабского мира поставило перед Великобританией задачу сохранения ведущих позиций на Арабском Востоке. Для достижения данной цели Англия попыталась использовать стремление арабов к единству, идею арабской федерации, возникшую еще в период борьбы арабских народов против турецкого господства. Принадлежность арабов к единой исторической и социокультурной общности стала своеобразным консолидирующим фактором. Осознание себя частью единой нации служило весомым аргументом для попыток практического осуществления арабского единства. Идея арабского единства настолько распространилась, что игнорировать проекты объединения было нельзя. В основу ее популярности легло понимание того, что достижение арабскими странами

экономической самостоятельности и прогресса невозможно без согласованных действий и укрепления межарабского сотрудничества.

Подготовительная конференция по созданию арабской федерации проходила в Александрии, в ней приняли участие представители Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании, Ирака, Саудовской Аравии и Йемена. В ходе работы Подготовительного комитета обсуждались различные варианты создания арабского союза или объединения [18, с. 191–231]. На заключительном заседании 7 октября 1944 г. его участники подписали так называемый Александрийский протокол, в котором констатировалась необходимость образования организации арабских государств и намечались правовые рамки будущей организации. Регионализм являлся общим фактором, определившим позиции арабских делегаций, и он не был просто положением, отражающим неравномерное развитие в арабском мире, например, Египта с его относительно развитой экономикой и Йемена, застрявшего в Средневековье [19, с. 270]. В целом Протокол можно квалифицировать как заявление о намерениях. В первом пункте Протокола декларировалось, что будущая организация будет состоять из независимых арабских государств, согласных присоединиться к Лиге. В арабском мире в тот период решение о необходимости создания организации арабских государств без конкретного определения ее формы в какой-то мере удовлетворяло всех лидеров арабских стран. Служивший в Восточном отделе Форин оффис Р. Хэнки признавал, что содержащиеся в Протоколе разработки по созданию Лиги арабских государств шли дальше расчетов Лондона [20, с. 25]. При образовании Лиги арабских государств существовало противоборство между феодальными собственниками и национальной буржуазией, колониальными державами, владевшими рычагами воздействия в арабских странах, и арабскими народами, а также между Лондоном и Вашингтоном [21, с. 167–182].

С окончанием Второй мировой войны «объединительная» политика в Великобритании позволяла завуалировать колониальные интересы империи. В Лондоне умело строили отношения с феодальными правителями и с трудом в странах, где имелись элементы демократии (ось Багдад – Амман, следовавшая в фарватере британской политики). «Отношения Англии со Средним Востоком в такой же мере стабильны, в какой стабильны режимы, поддерживаемые ею» [11, с. 520]. Создание ЛАГ подчеркнуло стремление Лондона перейти от двухсторонних отношений к региональному подходу в ближневосточной политике. Английский посол в Каире лорд Киллен, оценивая создание Арабской Лиги в марте 1945 г., отмечал, что влияние Египта стало определяющим среди арабских стран, но без «любезностей» Британии Лига

распадется [22, с. 128]. А Иден заявлял, что задачей британской политики будет показать «понимание» вопросов арабского единства. Позиции США на Арабском Востоке укреплялись, в Лондоне опасались, что влияние США на политику ряда арабских стран станет доминирующим и в Арабской лиге (ось Каир – Эр-Рияд, ориентированная на США). Р. Хэнки считал, что если Британия будет субсидировать региональную организацию для защиты собственных интересов, то она сохранит свой престиж и влияние на Арабском Востоке.

В марте 1945 г. британские военные стратеги подготовили доклад «Безопасность в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке», согласно которому в послевоенный период неизбежно обострение англо-советских отношений в Ближневосточном регионе. Но Аззам-паша заявил, что Арабская лига не имела никаких разногласий с Россией, следовательно, нет оснований для участия в антисоветских блоках. Новое видение внешнеполитического курса в отношениях с Египтом и другими ближневосточными странами было частью планов Британии по превращению Ближнего Востока в регион, который заменит Индию. Но национально-патриотические силы в странах Ближнего Востока развернули борьбу за ликвидацию иностранных баз в регионе. В мае 1946 г. начались переговоры с представителями Египта об условиях вывода войск. Английский историк Х. Рахман считает, что после того как Лондон декларировал согласие на вывод войск, он стал терять контроль над Египтом [23, с. 152–153]. В послевоенные годы имя Аззама стало ассоциироваться с Арабской лигой и антибританским, проегипетским уклоном. Арабские страны, опасаясь расширения сионистской экспансии, поддерживали египтян в их нежелании возвращения Британии, а также для придания сплоченности арабскому фронту в Палестине. В Форин оффис полагали, что последствия ухода из Египта будут смягчены соглашением, которое восстановит доверие к Великобритании на Ближнем Востоке и убедит государства региона в том, что Великобритания заинтересована в их защите. Кризис в Египте затрагивал вопросы, относящиеся скорее к статусу Британской империи, нежели к потребностям обороны. Военное присутствие Великобритании считалось необходимым для добычи нефти, сохранения морских коммуникаций, торговых связей, предотвращения проникновения в регион Советов и, конечно же, поддержания престижа Британской империи [24, с. 104]. В обмен на поддержку США в решении политических проблем

Ближневосточного региона от Великобритании ждали уступок. Представления же Лондона о «наивности» американской дипломатии были серьезным заблуждением, так как Соединенные Штаты готовились занять место Великобритании в регионе. Но начавшаяся в мае 1948 г. арабо-израильская война отодвинула проблему сохранения британского контроля над Суэцкой базой на второй план.

В Лондоне задавались вопросом: как поступит ЛАГ в дальнейшем при антибританском настрое; поощрять ли арабские страны к исключению Египта или управлять Египтом через Лигу? Д. Ласкеллес, глава «Египетского департамента» в Форин оффис, был убежден, что, разрушив Лигу, Великобритания вернет «заблудшее стадо» в «старое время» [22, с. 140]. «Объединительная» тенденция в арабской политике Англии – это не самоцель, а средство, которое в случае неэффективности отбрасывается и заменяется противоположным [25, с. 270]. До начала арабо-израильской войны 1948 г. позиция Великобритании оставалась фактически неизменной, как и в 1945 г. Лигу продолжали поощрять, рассматривая ее в качестве связующей и координирующей силы арабского мира. Неумение видеть «новые факторы в арабском мире», отсутствие уважения к арабской расе стали причиной утраты Англией доминирующих позиций в Ближневосточном регионе, а попытка объединения Арабского Востока была сведена на нет [26, с. 273–274].

Расхождения Арабской лиги с ближневосточной политикой Великобритании не привели автоматически к консолидации арабских стран. Политические реалии арабского мира, отсутствие объективной основы для осуществления единства (в силу значительных различий в уровне развития производительных сил и социальных структур) сделали ЛАГ ареной многообразных конфликтов. Определявшаяся этими факторами непоследовательная позиция арабской буржуазии, чьи интересы выражала ЛАГ, препятствовала выработке единой антиимпериалистической позиции. Аль-Хусри считал руководство арабских стран ответственным за пассивность Лиги. По его мнению, опыт ЛАГ является доказательством необходимости упрочения связей между арабскими странами [1, с. 120].

Рассматривая развитие политического процесса на Ближнем Востоке в исторической ретроспективе, можно предположить, что концепции арабского национализма на продолжительный период времени сохраняют действенность как мобилизующая сила в борьбе за общеарабские цели.

Библиографический список

1. Тихонова, Т.П. Светская концепция арабского национализма / Т.П. Тихонова. – М., 1984.
2. Пелипась, М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. / М.Я. Пелипась. – Томск, 2003.
3. Sayegh, F. Arab Unity. Hope and Fulfillment / F. Sayegh. – N.Y., 1958.
4. Аль-Барамид Саид Мухаммад Али. Лига арабских государств. Смена приоритетов: от координации к единству (1945–2001) : дис. ... канд. ист. наук / Аль-Барамид Саид Мухаммад Али. – М., 2003.
5. Мирский, Г.И. Арабские народы продолжают борьбу / Г.И. Мирский. – М., 1965.
6. Луцкий, В.Б. Лига арабских государств / В.Б. Луцкий. – М., 1946.
7. Братерский, М.В. Иран и арабские страны: традиционный конфликт и роль США / М.В. Братерский // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2003. – №11.
8. Аль-Кадамани Мажид Ахмад. Общеарабская интеграция как предмет политологического исследования : дис. ... канд. полит. наук / Аль-Кадамани Мажид Ахмад. – Н.М., 2000.
9. Ибрагимбейли, Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток / Х.М. Ибрагимбейли. – М., 1977.
10. Секретная переписка Ф. Рузвельта и У. Черчилля в период войны. – М., 1991.
11. Lenczowski, G. The Middle East in World Affairs / G. Lenczowski. – N.Y., 1957.
12. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – М., 1991. – Т. 2.
13. Позднеева, Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны / Л.В. Позднеева. – М., 1969.
14. Глентц, Д.М. Представления американцев об операциях на Восточном фронте в годы Второй мировой войны / Д.М. Глентц // Вопросы истории. – 1987. – №8.
15. Трухановский, В.Г. Антони Иден / В.Г. Трухановский. – М., 1984.
16. Ад-Дейрави Назим. Лига арабских государств: у истоков национального сообщества / Ад-Дейрави Назим // Россия и арабский мир. – СПб., 1996. – Вып. 2.
17. Monroe, E. Britain's Moment in the Middle East 1914–1956 / E. Monroe. – L., 1963.
18. Ahmed, M. Goma. The Foundation of the League of Arab States / M. Ahmed. – L., 1977.
19. Тума, Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства / Э. Тума. – М., 1977.
20. Абу Хамда Валид Хасан. ЛАГ в региональных международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке. 1945–1965 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Абу Хамда Валид Хасан. – М., 1995.
21. Khalil, M. The Arab States and the Arab League / M. Khalil. – Beirut, 1962. – Vol. I.
22. Louis, Wm. The British Empire in the Middle East. 1945–1951. Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism / Wm. Louis. – Oxford, 1984.
23. Rachman, H.A. British Defense Problem in the Middle East. The Failure of the 1946 Anglo-Egyptian Negotiations / H.A. Rachman. – Readings, 1994.
24. Кент, Дж. Египетская база и оборона Ближнего Востока, 1945–1954 / Дж. Кент // Британия и Россия. – М., 1997.
25. Glubb, J.B. Britain and the Arabs / J.B. Glubb. – L., 1959.
26. Kimche, J. Seven Fallen Pillars. The Middle East, 1945–1950 / J. Kimche. – L., 1950.